

**Александр Радищев, М. М. Щербатов,
Александр Герцен**

**О повреждении нравов в
России князя М. Щербатова и
Путешествие А. Радищева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р15

P15 **Радищев А.Н.**
О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева / Александр Радищев, М. М. Щербатов, Александр Герцен – М.: Книга по Требованию, 2021. – 354 с.

ISBN 978-5-518-07569-6

ISBN 978-5-518-07569-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Послѣ этого спросать меня какъ же управляется эта страна и на чемъ она держится? Управляется она случаемъ и держится на естественномъ равновѣсн—подобно огромнымъ глыбамъ которыя силою часть собственный вѣсъ.

(Corbeiron—французскій посолъ въ своей депешѣ отъ 9 Аврѣля 1778.)

Князь Щербатовъ и А. Радищевъ представляютъ собой два крайнихъ воззрѣнн на Россію времян Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей они какъ Янусъ глядятъ въ противоположныя стороны. Щербатовъ отворачиваясь отъ распутнаго двorca сего времени, смотреть въ ту дверь въ которую взшелъ Петръ I и за нею видить чинную, чванную Русь московскую,—скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ — кажется недовольному старику какимъ то утраченнымъ идеаломъ.

А. Радищевъ—смотреть впередъ, на него пахнуло сильнымъ вѣяніемъ послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ

великую весну девяностыхъ годовъ, всё ждали съ бьющимся сердцемъ чего то необычайнаго; святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Еммануилъ Кантъ, снявъ шапочку говорилъ удрученный величіемъ событій, при провозглашеніи французской республики: “Нынѣ отпускаеши!...” Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи — слезы, негодованіе, состраданіе, иронія — родная наша иронія, иронія утѣшительница, мстительница—всё это вылилось въ его превосходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ К. Щербатовъ, разумѣется его идеалы были также высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова—глубоко въ могилѣ; но это наши мечты, мечты Декабристовъ.

Радищевъ не стоитъ Даниломъ въ приемной змного дворца, онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины—онъ ѣдитъ по большой дорогѣ, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, онъ говоритъ съ ямщиками, дворовыми, съ рекрутами и во всякомъ словѣ его мы находимъ съ ненавистью къ насилью — громкій протестъ противъ крѣпостнаго состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго

романтизма — устарѣло для насъ. Но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ, и необычайно живъ. И чтобы онъ ни писалъ такъ и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и въ первыхъ стихотворенiяхъ Пушкина и въ Думахъ Рылѣва и въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Что для него были убѣжденiя—это онъ доказалъ возвратясь изъ ссылки. Вызванный самимъ Александромъ I на работу, онъ надѣлся провести нѣсколько своихъ мыслей и пуще всего мысль объ освобожденiи крестьянъ въ законодательство и когда — пятидесятилѣтнiй мечтатель — онъ убѣдился что нечего и думать объ этомъ—тогда онъ принялъ яду и умеръ!

К. Щербатовъ дошелъ до своей славянофильской точки воззрѣнiя, сверхъ частныхъ причинъ, тѣмъ же путемъ которымъ на нашей памяти дошла до нее часть московской молодежи. Раздавленная николаевскимъ гнетомъ, не видя конца ему, не видя выхода — она прокляла петровскiй перiодъ, отрѣклась отъ него, и надѣла, нравственно и въ самомъ дѣлѣ—зипунъ.

Само собою разумѣется что въ этой лестнѣ, въ этихъ *gerézailles* есть натяжка. Когда Пуритане съ Щербатовскимъ омерзепiемъ смотрѣли на развратный дворъ Карла II, и качая головой вспоминали времена Протектора,

не надобно забывать что при всей утомительной суровости своей, пуританскіе нравы представляли во всей энергіи многія стороны англо-саксонскаго характера; на эти времена и теперь Англичанинъ обращается съ гордо-стью.

Допетровская русская жизнь не представляетъ такого прошедшаго, она была похожа на большой сонной прудъ, покрытый тиной; сверху до низу всё дремало въ этомъ затишьи, въ которомъ складывалось, осѣдало государство. Не приходя въ себя, безличныя поколѣнія, смѣнялись какъ листья на деревѣ, жили тѣсно, связанные тяжелыми, періодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни не завидны. Въ природѣ все неразвитое тихо и покойно. Камень лежитъ себѣ вѣка увальнемъ, вывѣтриваясь по немногу, а птица часу на мѣстѣ не посидитъ.

А такъ какъ объективной истины, въ этомъ возвращеніи къ жизни, изъ которой мы выросли, нѣтъ и она только взята на зло, чтобъ современники казнились,—то К. Щербатовъ часто впадаетъ въ противурѣчія и просто въ ошибки. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ дѣлать его негодованіе на женщинъ и дѣвицъ, что имъ лучше понравилось выѣзжать и одѣваться, чѣмъ всю жизнь проводить въ тюремномъ заключеніи отцовскаго или мужнина дома.

Тѣмъ больше что К. Щербатовъ, говоря о недостаткахъ и грубости императрицы Анны Иоанновны, прибавляетъ что причиною тому было ея старинное воспитаніе. Мы находимъ далѣе чрезвычайно человѣческимъ что невѣстамъ хотѣлось видѣть прежде брака своихъ жениховъ и очень довольны что русской, православный обычай—святать и соединять пары помимо воли паціентовъ, остался въ употребленіи только на конскихъ заводахъ....

Но чтобъ понять желчевое увлеченіе К. Щербатова, надобно вспомнить что такое были пресловутые екатеринскіе времена въ срединѣ своего разгара. Со всякимъ днемъ пудра и блески, румяна и мишура, Вольтеръ, Наказъ и прочія драпри покрывавшія матушку императрицу — падаютъ больше и больше и сѣдая развратница является въ своемъ дворцѣ “вольнаго обращенія” въ истинномъ видѣ.* Между “фонарикомъ” и эрмитажемъ разыгрывались сцены достойныя Шекспира, Тацита и Баркова. Дворъ— Россія жила тогда дворомъ — былъ постоянно раздѣленъ на партіи, безъ мысли, безъ государственныхъ людей во главѣ, безъ плана. У каждой партіи вмѣсто знамени гвардейской гладіаторъ, котораго сѣдые министры,

* Советуемъ прочесть: *La Cour de la Russie il y a cent ans* — Берлинъ 1867. Книга эта составлена исключительно по письмамъ и депешамъ иностранцевъ пословъ.

сенаторы и полководцы толкают въ опозоренную постель—прикрытую порфирой Мономаха. Потемкинъ, Орловы, Панинъ каждый имѣеть запасъ кандидатовъ, за ними посылають въ случаѣ надобности курьеровъ въ дѣйствующую армію. Особая статсъ-дама испытываетъ ихъ. Удостоеннаго водворяють во дворцѣ—(въ комнатахъ предшественника которому дають отступной тысячь пять крестьянъ въ крѣпость)—покрываютъ брильянтами, (пуговицы Лапскаго стоили 80,000 сереб.) звѣздами, лентами—и сама императрица везеть его показывать въ оперу;—публика, предупрежденная, ломится въ театръ, и три дорого платитъ чтобъ посмотрѣть новаго наложника.

Потемкинъ, этотъ не забавный *blâsé*, избалованный степной баричъ на содержаніи, изъ котораго къ стыду Россіи сдѣлали великаго человѣка—стихами Державина, раболѣпьемъ дворцовой черни и наконецъ семинарской прозой Надеждина—Потемкинъ не любитъ шутить что касается до фаворитовъ, онъ позволяетъ Екатеринѣ брать подставныхъ сколько душъ угодно, но только изъ его клеветовъ. Старуха въ отчаяніи, не слушается—и Потемкинъ грубитъ съ ней, бранится.

Le balâgré угрюмо живущій въ дальнемъ имѣніи у слышалъ это—и снова является передъ женщиной которую посадилъ на престоль — “Помогите мнѣ — говорить ему

императрица рыдая” — Я готовъ, отвѣчаетъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ. — Готовъ, значить на его языкѣ: готовъ задушить Потемкина если в. вел. угодно — такъ какъ задушилъ вашего мужа, такъ какъ сбылъ срукъ княжну Тараканову. — Но нервы вѣнчанной куртизаны ослабли, она шепчетъ старому сообщнику: — “Помиритеcь съ нимъ, смягчите его” — Съ сожаленіемъ смотритъ на нее Чесменской, пожимаетъ плечами и идетъ прочь . . . Non, vous n'êtes plus ma Lisette ! . . . и оставляетъ уголовный дворецъ, въ которомъ сверхъ плачущей императрицы бродитъ Князь Григорій Орловъ — сошедшій съ ума. Съ воплемъ и дикими рѣчами ходитъ онъ изъ угла въ уголокъ по кабинету Екатерины. Она не велитъ его останавливать — она съ оцѣпененіемъ и ужасомъ ходитъ за нимъ, слушаетъ его бредъ, съ ужасомъ видитъ въ его безуміи угрызенія совѣсти, кару за совершенное ими вмѣстѣ преступленіе и задавленная темными мыслями “не можетъ больше заниматься дѣлами весь день” — и только успокоивается ночью въ объятіяхъ новаго лейбъ-гвардейскаго гладиатора.

Вотъ міръ, о которомъ наши дѣды и отцы поминали съ умиленіемъ, міръ въ которомъ жилъ Щербатовъ — всякому честному человѣку должна была древняя Русь, показаться чистой и доблестной въ сравненіи съ этимъ безстыднымъ развратомъ, съ этимъ переходомъ Руси допетровской въ

новую Русь — через публичный домъ. Современнику трудно было отдѣлаться отъ всего и широкимъ взглядомъ историка объять это время; стоятъ возлѣ вообще мѣшаешь хорошо видѣть, гармонія цѣлаго пропадаетъ, многое загорожено случайно - близкимъ — мелкое кажется громаднымъ.

Могъ ли думать Князь Щербатовъ когда онъ писалъ свой строгій разборъ дворцоваго разврата что въ одно мгновеніе, все сразу переменяется?—Часы пробили двѣнадцать и вмѣсто нечѣпности жирной масляницы — настаетъ противоположная нечѣпность суроваго поста. Дворецъ превращается въ смиренный домъ, вездѣ дребезжитъ барабацъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки лѣтять въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учить эспонтономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; народъ по прежнему оттертъ, смятъ, ограбленъ, дикое своеволие на верху, *il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je lui parle*—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и высочайшіе приказы.

И въ то же время Суворовъ на Альпахъ, подъ Требіей и Нови завязываетъ ту борьбу которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ.

Вотъ это то и отдѣляетъ такъ рѣзко петровскую эпоху

отъ московской что въ ней — какія бы обстоятельства ни были — чувствуется движеніе, чутся возбужденная мощь; можно выбиться изъ силъ, можно погибнуть въ ней, но нѣтъ того удушья, безцвѣтнаго, безвыходнаго, утягивающаго безъ вѣсти какими то нѣмыми стихіями: и страданіе и счастье и лица и поколѣнья...и всю допетровскую Русь.

Петербургская Россія не имѣетъ той безнадежной осѣдлости; она очевидно не есть достигнутое состояніе, а достиженіе чего то, это рѣпные зубы, которые должны выпасть; она носитъ во всѣхъ начинаніяхъ—характеръ переходнаго, временнаго, имперія строишь — столько же сколько фасадъ, она не въ самомъ дѣлѣ, не “въ заправду” какъ говорятъ дѣти. Это глиняная форма, которая была можетъ необходима чтобъ остановить, собрать славянскую распущенность—но которая сдѣлала свое дѣло; это хирургическая повязка которую надобно снять какъ только органы будутъ поздоровѣе она уже порвалась въ десяти мѣстахъ и по тѣмъ мышцамъ которые видны, можно судить о томъ на сколько мы выросли и окрѣпли.

Нашему нетерпѣнію мало (и самое это нетерпѣніе свидѣтельствуетъ о томъ же внутренномъ движеніи,—у насъ самихъ десять разъ опускались руки и мы останавлива-

лись исполненные ужаса и печали передь уродливымъ, капризнымъ сонникомъ—русскаго развитія.

Всё это понятно, но лишь бы люди не шли вспять—какъ Князь Щербатовъ и не предавались бы полному отчаянію какъ А. Радищевъ.

Медленно идетъ наше развитіе— срывается съ дороги— проводники плохи, давятъ народъ—топчуть нивы—а какъ пріюстановишься, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ—а пути то сдѣлано много!

Кто изъ насъ смѣлъ думать— пять лѣтъ тому назадъ, что твердыня крѣпостнаго права поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи—покачнется?

И кто же скажетъ что вслѣдъ за нею не рухнетъ и табель о рангахъ, и потаенный судъ, и произволь министровъ и управленіе основанное на тѣлесныхъ наказаніяхъ и боящееся гласности?

Что по дорогѣ будутъ не только времена устали, но безумной реакціи — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — для этого достаточно знать главныхъ актеровъ. Да вѣдь исторической путь и не есть прогулка по Невскому!

И—ръ.

Путней.
25 Мая 1858.